

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 E-ISSN: 2413-726X
 2018, 6(2): 137-154

DOI: 10.13187/ra.2018.2.137
www.ejournal16.com

First World War through the Prism of the Southern Russian Press (1914–1916)

Preparation for publication, introductory article and comments

Oleg A. Grom ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The article contains a set of publications from the military periodicals published in the South of Russia during the First World War: “Listok Voiny” (Leaflet of War), two editions from Rostov-on-Don and Ekaterinodar, “Voennyi Vestik” (Military Bulletin, Ekaterinodar), and “Severo-Kavkazskii Listok Voiny” (The North Caucasian Leaflet of War, Stavropol). The published texts give an account of the participation of the region’s population in the wartime events, reactions on the issues of refugees, captivity, everyday life in the home front cities. The eyewitnesses accounts (for example the letters of Iliya Gammal) are of an especial interest. The newspapers were main source of information on the war, and the study of this type of historical sources allows us to understand better how the reading public in the South of Russia imagined the war.

Keywords: press, newspapers, First World War, the South of Russia.

Периодическая печать среди исследователей пользуется репутацией «ненадежного» источника. Вопрос об аутентичности газетных публикаций действительно неоднозначный. Особенно это справедливо для публикаций военного времени, т.к. они подвергались заметной цензуре и самоцензуре. Уже на следующий день после начала войны было утверждено «Временное положение о военной цензуре», которое вводило преследование за публикацию в печати сведений, составлявших военную тайну, призывов к прекращению войны, а также за публикацию «всякого рода сведений, хотя бы и не предусмотренных правилами, но которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства» (Гужва, 2013: 525–527). Такое положение вещей накладывало отпечаток на содержание и подачу публикуемых материалов. Тем не менее, обращение к газетному материалу представляется важным, т.к. именно по этим свидетельствам (а вовсе не по свободным от цензуры письмам и дневникам) большинство современников судило о происходящем на фронте и в тылу.

Предлагаемая подборка текстов из региональных газет, безусловно, не претендует на всеохватность. Но, тем не менее, позволяет составить представление о том, как события Первой мировой войны отражались в сознании жителей юга России, как непосредственных участников событий, так и пишущей интеллигенции.

* Corresponding author

E-mail addresses: gromescu@gmail.com (O.A. Grom)

В годы войны получило популярность издание «военных листков», небольших по объему (2–4 страницы) газет, знакомивших читателей с текущими военными событиями. Зачастую в них печатались (или перепечатывались из других изданий, таких как «Утро России», «Раннее утро», «Приазовский край» и др.) различные тексты, рассказывающие об участии местных жителей в войне, публиковались записки, воспоминания, письма. В отличие от «больших» газет, эти «листки» специализировались почти исключительно на военной или околовоеенной тематике. Публикуемые материалы взяты преимущественно из такого рода изданий.

В Ростове-на-Дону в 1915–1916 гг. выходил «Листок войны» с подзаголовком «Хроника. Война. Телеграммы». В Ставрополе в 1915 г. издавался, хотя и не долго, «Северокавказский листок войны», ежедневное издание, посвященное интересам войны и русской общественности. В Черноморской губернии выходил «Черноморский листок войны» (Новороссийск, 1915–1916). Наибольшего распространения подобные издания получили в Кубанской области. В 1914–1916 гг. здесь выходили «Листок войны» (городское издание А.А. Кожевникова, 1914–1917), «Военный вестник» (иногороднее издание, хотя при этом специализировавшееся на подвигах казаков, 1914–1916), военно-церковно-общественный и литературный журнал «Кубанский казачий вестник» (1914–1917). В Ейске печаталась также специализировавшаяся на военной тематике газета «Телеграммы» (1915–1916) (Бурдун, Махров, 2007: 111).

Рис. 1. Газета в окопах (Листок войны¹, 1914, № 120)

Первый публикуемый текст «Ночная атака (письмо кубанца с войны)» является типичным примером пропаганды начального этапа войны. Он написан от лица солдата, участника боев, однако явно либо выдуман, либо сильно обработан. Литературное происхождение выдают в частности фразы вроде «был серенький, сырой и томительный день», а также пропагандистские штампы типа «наши русские львы мяли их». Кроме того, статья обнаруживает ряд стилистических сходств с другими опубликованными в газете текстами, в частности со статьей «Рассказ кубанца», перепечатанной из «Кубанских областных ведомостей» (Военный вестник, 1914, № 6, с. 3). Тем не менее, в статье имеются отсылки к реальным событиям, позволяющие предположить, что за ее основу был взят эпизод Лодзинской операции октября – ноября 1914 г.

¹ Здесь и далее «Листок войны» – газета, издававшаяся в Екатеринодаре, газета с тем же названием, печатавшаяся в Ростове-на-Дону указана как «Листок войны (Ростов)».

Второй и третий тексты посвящены последствиям войны, с которыми столкнулись обыватели южнороссийских городов – прибытие пленных и беженцев. Тематика плена, как своего, так и противника, выступала частым сюжетом газетных публикаций. Германский и австрийский плен чаще всего подавался как свидетельство зверств и «варварской природы» немцев. Примером такого рода публикаций можно назвать статью «Казак Иван Пичуев» про пытки казака, где пребывание в плену описывается в самых ужасных подробностях ([Листок войны, 1915, № 262, с. 3](#)). Другим примером может служить явно выдуманная история о том, что приехавший в немецкие войска кайзер отчитал генерала, за то, что тот берет в плен врагов, которых еще и надо кормить ([Северо-кавказский листок войны, 1915, № 15, с. 2](#)). Демонизация врага, в первую очередь немцев и турок, была частью правительственной пропаганды, и появление таких статей стало общероссийским явлением ([Семенова, 2008: 79](#)). Особенно часто такие публикации печатались на начальном этапе войны, затем пропагандистский эффект от них стал спадать.

Рис. 2. В Польше. Для прусаков нет ничего святого ([Листок войны \(Ростов\), 1915, № 20, с. 1](#))

Напротив, «наши», бравшие в плен неприятеля, всегда описывались как благодетели, а условия российского плена как весьма гуманные. Примером подобного рода публикаций выступает публикуемая заметка «Пленные турки в Екатеринодаре», из которой следовало, что пленные турки «чувствовали себя лучше, чем дома». Примечательно, что пропаганда противоположной стороны пользовалась такими же приемами устрашения. Так, автор заметки указывает, что туркам «много внушали, что русские пленных и раненных истязают и добивают».

Тема беженцев стала актуальной в середине 1915 г., когда на восточном фронте для русской армии наступила череда неудач и отступлений. Примером отражения этой тематики служит статья «Беженцы в Екатеринодаре». Большинство екатеринодарских беженцев были выходцами из западных губерний, покинувшими Польшу, Литву и Галицию в результате

«великого отступления» русской армии. В статье показано, что беженцы стали для города серьезной проблемой, а городские власти упрекаются в неспособности эффективно организовать их размещение и трудоустройство. Размещение взял на себя частный приют, а приисканием работы на первых порах занималась местная польская община.

На страницах периодических изданий широко освещалось участие населения юга России в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны. Наибольшее внимание уделялось вкладу казачества. Перечислим лишь небольшую часть подобных публикаций: «Раненые кубанцы» ([Листок войны, 1914, № 11, с. 3](#)); «"Кози" (казаки) на войне (записки вольноопределяющегося)» ([Листок войны, 1915, № 283, с. 3](#)); «Как донские казаки взорвали мост» ([Северо-кавказский листок войны, 1915, № 20, с. 3](#)); «Казаки о немцах и о себе» ([Листок войны, 1914, № 26, с. 4](#)); «Подвиги казаков» ([Листок войны, 1915, № 240, с. 3](#)); «Наши казаки» ([Листок войны, 1914, № 18, с. 1](#)); «Рассказ кубанца» ([Военный вестник, 1914, № 6, с. 3](#)); «Смерть героя-кубанца (письмо в редакцию)» ([Военный вестник, 1915, № 17, с. 3](#)). Внимание к казачеству вообще было тенденцией российской прессы военного времени, но на юге проявилось особенно рельефно.

Заметное место отводилось участию в войне женщин и детей. Так, например, в статье «Женщины-герои» рассказывалось, как некая Мария Д-а из Харькова поехала на фронт за мужем-вольноопределяющимся, принимала участие в боях и представлена к награде ([Листок войны, 1915, № 240, с. 3](#)).

Особый интерес представляет статья про участие в войне караима Ильи Гаммала. В тексте содержатся как комментарии и размышления журналиста (Александра Малахова), так и фрагменты из пяти писем жене, написанные Гаммалом осенью 1914 г. Стилистические и пунктуационные особенности позволяют утверждать, что тексты писем, скорее всего, подлинны, а не плод выдумки журналистов, если и подвергались корректуре, то лишь в незначительной степени (судя по специфическому стилю и орфографическим ошибкам, не редактировались вообще).

Не вызывает сомнений и реальность героя публикации. Гаммал Илья Соломонович (в разных источниках упоминается также как Семенович и Шеломович) родился в 1890 г. в Евпатории. Гаммал служил в 10-й роте 83-го Самурского пехотного полка 21-й пехотной дивизии 3-го Кавказского армейского корпуса. Впоследствии был назначен командиром 3-й роты этого же полка. Осенью 1914 г. попал в плен, был контужен. При побеге из плена смог добыть важные сведения, за что получил Георгиевский крест ([Патрикеев, 2012: 135](#)) и был произведен в прапорщики. Эти события и нашли отражение в публикуемом тексте.

В апреле 1915 г. Илья Гаммал снова оказался в плену ([Памяти героев великой войны](#)). В апреле 1917 г. произведен в штабс-капитаны. Был также награжден двумя Георгиевскими крестами, орденами Св. Станислава II и III степеней, Св. Анны III и IV степеней, Св. Владимира IV степени с мечами, а также боевыми медалями ([Прохоров, 2010: 379](#)). Во время Гражданской войны служил в Вооруженных силах Юга России, был взят в плен. В июне 1921 г. из Баку был передан в Рязанский губернский военный комиссариат (далее – ГВК). С 1923 г. состоял на особом учете в Петроградском ГВК ([Крымская книга памяти](#)). Дальнейшая судьба неизвестна.

Гаммал был представителем этноконфессиональной группы караимов, тюркоязычного народа, исповедовавшего одно из ответвлений иудаизма. В правовом отношении они были отделены от евреев и не подвергались дискриминации. ([Сигаева, 2005: 86](#)). К началу XX в. происходил переход караимской интеллигенции в христианство. Вполне вероятно, что и герой статьи относился к крещеным караимам. На это намекают, в частности, отсылки к православным праздникам – «на Покров мы были в бою...». Отношение к караимам как лояльной группе (в отличие от евреев) объясняет доброжелательный тон статьи, а также представление его как идеального представителя «русского воинства»: «В караиме Гаммале мы видим высокий образец воина русской армии, восставшей из народной составляющей нашу нацию». Едва ли подобные сентенции были бы возможными по отношению к солдату-еврею, по крайней мере, газетные публикации о героях-евреях были редкостью. Напротив, армейские газеты, журналы и издаваемые Военным министерством брошюры содержали массу историй (часто выдуманных) о предателях среди «враждебных инородцев» – немцев, евреев, мусульман и т.д. ([Лор, 2012: 30](#))

Рвение Гаммала и усердие в воинской службе также тесно связано с его происхождением. Служба у караимов считалась почетной. В Первую мировую войну в армии сражались 500 кадровых офицеров и 200 добровольцев крымских караимов (Сигаева, 2005: 86). Примечательно также, что в заголовке статьи автор на первое место ставит его место жительства «герой-екатеринодарец», а потом уже упоминает этническую принадлежность.

Еще один интересный текст, связанный с письмами – небольшая статья в молдавской газете «Кувинт молдовенеск» (Молдавское слово), где описывается «типичное» отношение солдат к войне, выражаемое в письмах с фронта. В статье подчеркивается фаталистское отношения к военной повседневности – постоянному риску умереть, ранениям и т.д. – а также отсутствие в письмах каких бы то ни было деталей о военной повседневности (не будем забывать, что фронтовая переписка цензурировалась достаточно жестко). Е.С. Сенявская указывает на то, что такой фатализм был одной из форм защитной реакции солдат, а «"фаталистическое" мироощущение можно встретить почти у каждого участника Первой мировой войны, оставившего какие-либо письменные свидетельства» (Сенявская, 2012: 34).

Отдельное место в периодике военного времени занимала тыловая жизнь воюющей страны. Много внимания газеты уделяли дороговизне, дефициту, неустроенности быта, связанному с войной. В Ростовском-на-Дону «Листке войны» была опубликована достаточно необычная для этого периода статья «Бухарест или Ростов?». В ней рассказывается о том, что румынская элита, пользуясь преимуществами нейтралитета страны, вела разгульную и аморальную жизнь, что возмущало граждан воюющих стран. Но автор статьи указывал, что то же самое наблюдалось и в находившемся в тылу Ростове. Все «безобразия» совершались богатыми ростовчанами открыто и ни у кого не вызывали протеста. В 1915 г. российская публика уже отошла от шока, вызванного началом войны, а изначальный патриотический порыв иссяк. В регионах, далеких от театра боевых действий, жизнь возвращалась в нормальное русло. Сказывалась и усталость от войны, затяжной характер которой становился все более очевидным. Трудности военного времени затронули в большей степени бедные слои населения, а разрыв с «буржуазией» стал еще более глубоким. Несмотря на военную цензуру, критические тексты, подобные приводимому, стали все чаще появляться в газетах. Интересно также, что по своему посылу статья похожа на известное стихотворение Владимира Маяковского «Вам», написанное также в 1915 г.

Рис. 3. Во дворе городской управы. В ожидании выдачи пособий (Листок войны (Ростов), 1916, № 42, с. 2)

Ранние тексты описывают чудеса героизма и самоотверженности, стойкость, волю к победе, непримиримость к врагу. С середины 1915 г. подобные публикации приобрели менее пафосный характер, в них стало больше натурализма и реализма. Это было следствием неудач на фронте, а также усталости общества от войны, позиционный и затяжной характер которой становился все более и более очевидным. В 1916 г. эта тенденция усилилась еще больше. В газетах стало меньше героики. Отклики на войну стали сводиться к сухим сообщениям «телеграмм» и фронтовых сводок. Лишь изредка они разбавлялись победными событиями вроде Брусиловского прорыва.

Рис. 4. На Кавказском фронте. Налет кубанских казаков на турецкий пикет (Листок войны (Ростов), 1916, № 41, с. 1)

Примером текстов конца 1916 г. может служить статья «В горах Анатолии». В статье, представляющей собой рассказ очевидца, акцент сделан на сложности, с которыми сталкивались турки, их нежелании воевать, а также хорошо налаженном снабжении русской армии, ее благородстве по отношению к пленным. Отдельно подчеркивалось, что турки предпочитали сдаваться русским. В России было распространено мнение, что в Турции за любые провинности солдат могли серьезно наказать. Впрочем, принцип «солдат должен бояться собственного начальства больше, чем врага» был характерен для всех воюющих армий, в том числе и русской (Сенявская, 2012: 32).

Все тексты публикуются впервые, с соблюдением современных требований орфографии и пунктуации, за исключением специально оговоренных случаев, но везде с сохранением стилистических особенностей оригиналов, снабжены сквозной нумерацией.

№ 1

Ночная атака (письмо кубанца с войны)

22-го ноября был серенький, сырой и томительный день. Небо было подернуто густыми свинцовыми тучами. Дул резкий и холодный западный ветер. Луна уже порядочно стала запаздывать с вечера. Стояла непроглядная тьма. Было так темно, что, поднеся руку к своим глазам, невозможно было ее рассмотреть.

Рано в это время начинается ночь в Польше. В 5 часов вечера в хорошую погоду и в 4 часа в плохую здесь уже темно.

Был легкий мороз. Скверно лежать в окопах в такую ночь уставшему солдату!

Непрерывные жестокие дневные бои, начавшиеся с 9-го и продолжавшиеся с одинаковой силой вплоть до 20-го ноября¹, постепенно стали ослабевать. Устали мы, но еще больше нас устал битый нами противник.

В это время бой, завязавшийся с самого раннего утра по всему фронту, стихал на ночь лишь для того, чтобы с зарей вспыхнуть с новой ужасающей силой.

Немцы бились жестоко, но наши русские львы мяли их, оттесняя каждый день все дальше и дальше по всему нашему фронту. Озлобленные своими неудачами, они задумали 22-го числа произвести на нас ночную неожиданную атаку с вечера по фронту Гловно, Беляева и Лович на протяжении двадцати верст.

Немцы, вероятно, думали, застать нас врасплох, но в своих расчетах они жестоко ошиблись; часов в 8 вечера наши полки, расположенные в окопах, заметили движение немцев вперед. Подготовившись встретить врага как следует, они подпустили его к себе на расстояние верного выстрела, а потом открыли по нему адский ружейный, пулеметный и орудийный огонь.

Бой загорелся сразу по всему фронту такой, какого еще не было во всей нашей боевой жизни. От ружейных и орудийных вспышек при выстрелах небо горело громадным заревом, которое было видно на десятки верст.

Грохоту, сплошным раскатам и слившимся в один непрерывный, ужасный гул залпов орудий этой ночи никогда не сравниться с самой ужасной, какая была когда-либо, грозой с молнией и громовыми раскатами.

Это был настоящий ад.

Атака продолжалась часа полтора. Да, впрочем, под таким ужасным огнем она более продолжительной и быть не могла...

Все немецкие линии наступающих войск нами сметались с лица земли. Вся их масса наступающих людей разбивалась о нас, как разбивается морская волна о твердые гранитные скалы берега.

Все усилия германцев прорвать и смять нашу боевую линию были тщетны: атаки, повторяющиеся непрерывно одна за другой, были блестяще отбиты. На утро оказалось перед нашим фронтом наваленными целые груды убитых врагов. Осталось их здесь, как определяют, более трех тысяч убитыми...

Лабинец
Военный вестник. 1914. № 4. С. 2–3.

¹ В письме описываются события Лодзинской операции октября – ноября 1914 г.

№ 2

Пленные турки в Екатеринодаре

Прибывшие на вокзал третьего дня раненные и пленные турки имеют жалкий вид. Одеты все в лохмотья, без головных уборов, завернутые только рваными и грязными башлыками. Обуви никакой. У некоторых полуразваленные опорки, у других просто ноги завернуты в тряпье. Походка всех неровная, расхлябистая.

Когда их высадили с поезда, выстроили в шеренгу и повели в лазареты, они были очень удивлены, что у нас так тепло, между тем, как им говорили, что Россия – это Сибирь. В лазаретах, когда раненым предложили зайти в перевязочную, они перепугались, столпились в одну кучу и так не хотели заходить по одному.

После оказалось: им много внушали, что русские пленных и раненных истязают и добивают.

Когда же они убедились, что ничего этого нет, и русские, наоборот, обращаются с ними хорошо, пленные сразу повеселели и стали разговорчивыми.

На второй день пленные уже чувствовали себя лучше, чем дома.

Военный вестник. 1914. № 10. С. 3.

№ 3

Беженцы в Екатеринодаре (Полчаса в доме Викторова)

Вот уже вторая неделя, как в Екатеринодар почти ежедневно прибывают беженцы. Пока, правда, небольшими группами, в 2–3 семьи из 10–20 человек.

Но поток все увеличивается. Число бездомных с каждым днем растет.

Вчерашние ручейки первых единичных беженцев на Кавказе превратились уже в громадную реку, которая сейчас еле сдерживается запрудой на станции Тихорецкой, где скопилось беженцев до 10 000 человек.

Никакая запруда не сможет, конечно, сдерживать этой массы, и не сегодня-завтра затор будет прорван и страшная река горя и слез хлынет на Кавказ, и, в первую очередь, разумеется, в Кубанскую область и Черноморскую губернию.

Временный генерал-губернатор Кубанской области и Черноморской губернии¹ выехал уже в Тихорецкую, чтобы по возможности направить беженцев по разным направлениям, чтобы пустить реку по различному руслу, ослабить силу потока.

Кто же эти невольные наши гости, кто же они, эти тысячи полураздетых, голодных и бездомных?

Об этом можно судить по передовым группам прибывших уже в Екатеринодар беженцев.

Все прибывшие беженцы сейчас в доме Викторова. 18 августа, в день моего посещения, их было 120 человек.

Я зашел еще в приют Викторова около 3 часов дня.

Больше половины беженцев были дома. Как раз перед моим приходом прибыли еще три семьи, состоящие из 24 человек. Они устраивались.

Большинство беженцев из Холмской губернии. Есть еще из Ломжинской, Люблинской и Полоцкой.

По национальности они делятся на поляков и русинов. Поляков больше. Евреев покамест совсем нет.

По занятиям большинство земледельцы. Ремесленников очень мало. Из 120 человек только 2 плотника и 1 каменщик. Остальные землеробы, годные лишь в чернорабочие.

Объясняется это, по-видимому, тем, что все ремесленники сумели, конечно, найти себе работу в промышленных центрах России. К нам приехали и едут наиболее беспомощные.

¹ Эти обязанности исполнял наказной атаман Кубанского казачьего войска, генерал от инфантерии М.П. Бабич (1844–1918).

С этим обстоятельством придется очень считаться при приискании занятий и оказании помощи.

Большинство семейств беженцев состоит из 8–10 душ, преимущественно, конечно, дети и, главным образом, маленькие.

Некоторые семьи в пути раскололись и растерялись. Так, например, 80-ти летняя старуха Мария Кузак (из Холмской губ[ернии]) отстала от зятя и дочери.

Я беседовал с этой несчастной. Она производит тяжелое впечатление. По ее словам, она в дороге уже 3 месяца. У бедной старухи все перепуталось. Она потеряла представление о времени и пространстве. Свое родное местечко Берещча она оставила в пламени пожара. Хотела там умереть, но ее насильно вытащили какие-то казаки. Из всего своего долгого путешествия беженка вспомнила только каких-то стражников и белого кондуктора, который уверил ее, что ее родные уехали в Екатеринодар.

Потеряла своего мужа Станислава Славиковская. Она умоляет, если кто-нибудь знает о нем что-нибудь, сообщить ей. Очень беспокоится Тимофеенко, потерявшая в Харькове своего сына.

Все беженцы пользуются в доме Викторова бесплатным приютом. Разместились они на воздухе под навесами. Там же и спят на полатах, женщины и дети в одном отделении, мужчины в другом.

Под третьим навесом ночуют постоянные обитатели ночлежки, местные жители.

Беженцы пользуются также бесплатным продовольствием.

Содержание каждого беженца, по вычислению г[осподина] заведующего домом, обходится 17 копеек в день (чай, обед и ужин).

Отдельных средств на это городом пока не отпущено, и провизия берется по заборной книжке в кредит.

Некоторые беженцы переселились на квартиры. Некоторые нашли уже постоянную работу. Многие ходят на поденную работу по мощению и по ремонту костела.

Местное польское общество ходатайствует перед управой о временной передаче дома Викторова для специальной цели учреждения здесь приюта для беженцев.

Польский комитет предполагает немедленно устроить всех мужчин на работу, и по возможности большее количество женщин, причем несколько женщин по очереди будут оставаться дома для присмотра за детьми.

Что касается приискания работ для беженцев, то, очевидно, этот вопрос разрешится благоприятно. В настоящее время имеется спрос на 1000 рабочих рук, на постройку Черноморско-кубанской дороги, и столько же на каменоломни.

В случае прибытия новых больших партий беженцев, дом Викторова сумеет приютить у себя 1100–1200 человек (в летнем и зимнем помещениях). Для остальных придется изыскивать приют. Этим должен, прежде всего, озаботиться город.

Я провел среди беженцев всего полчаса. Странно было видеть во дворе ночлежного дома ребятишек, говоривших на польском языке. Непривычно было слышать вместо «папа» и «мама» – «тате», «мамуня», «дядуня» и т.п.

Счастливое детство. И беженцы-дети, только дети. И здесь на чужбине им также хорошо и весело, как и там, на берегах родной Вислы и Немана.

Острее всех переживают изгнание из родных сел и деревень пожилые люди. Многие из них бродят ночью и плачут.

Репортер
Листок войны. 1915. № 352. С. 2–3.

Бухарест или Ростов?

В «Южном Телеграфе»¹ была приведена на днях интересная справка о веселящемся Бухаресте, который был назван самой веселой столицей Европы.

Человеку, приезжающему в Бухарест, писалось в этой справке, трудно поверить, что Европа переживает небывалую в истории катастрофу, потрясающую весь мир. В данный момент Бухарест, без сомнения, самый веселый и жизнерадостный город на всем европейском материке.

В Бухаресте, возмущается автор справки, театры, варьете, танцевальные залы, биографы и т.п. каждый вечер битком набиты публикой. В дорогих фешенебельных ресторанах рекой льется шампанское.

В игорных залах, живописует дальше обличитель, деньги швыряют на стол с небрежностью, изумляющей иностранца.

Куда не оглянешься – роскошь, мотовство, экстравагантность и... равнодушие.

Как и все нейтральные страны, Румыния сильно разбогатела за время войны, главным образом, от продажи своей пшеницы, кукурузы, нефти и т.д.

Но вся эта благодать коснулась лишь буржуазных слоев населения; низшие же классы терпят сильную нужду, благодаря непомерно вздутым ценам на предметы первой необходимости. Так, за все шерстяные изделия и за обувь приходится платить совершенно сказочные цены, от которых волосы становятся дыбом. Растительное масло, оливки, сушеные фрукты, апельсины, лимоны, кофе, чай и какао доступны только богатым людям. Мыло, свечи очень дороги. Каучуковых изделий нельзя достать ни за какие деньги, а рис так дорог, что рисовые пудинги подают лишь в очень богатых домах, как особый деликатес.

Так скорбят о Бухаресте иностранцы, граждане воюющих стран, попадающие в столицу нейтральной страны, не участвующей в ужасах европейского пожара.

Так возмущаются европейцы поведением румын, которых война еще не коснулась вплотную, и которые войне не дали еще ни одной человеческой жертвы и не израсходовали на нее еще ни одного франка.

Этот румынский кутеж и эту бухарестскую жажду наслаждений иностранцы сравнивают с пляской на вулкане и клеймят безумцев, равнодушно вззирающих на зарево, охватившее почти весь мир.

Меня лично это возмущение легкомыслием румынских прожигателей привело в содрогание.

Если иностранцы возмущаются поведением румын в переживаемое время, то что они должны сказать про наш Ростов, если бы они попали в него, город, имеющий честь принадлежать великой стране, имеющей в мировом событии главенствующее значение, стране, сыны которой миллионами, готовые жертвовать жизнью, стоят лицом к лицу с врагом, стране, которая ради победы над нарушителями права и правды, несет и готова нести колоссальные жертвы?

Что они сказали бы про Ростов, в котором имеются лазареты, госпиталя, беженцы, в котором живет двести тысяч граждан, родине которых ниспосланы великие испытания, и который, к ужасу и изумлению, ведет такой же безумный и легкомысленный образ жизни, как нейтральный, не воюющий Бухарест?

Театры Бухареста, возмущаются иностранцы, варьете, биографы переполнены, в фешенебельных ресторанах шампанское льется рекой, в игорных домах деньги выбрасываются с небрежностью, на улицах, в кафе движение, кокотки.

А в Ростове, городе тыла, разве не то же самое?

Театр за зиму взял 30 тыс. барышей.

Биографы, кафе, рестораны полны.

В шантанах скандалы, безобразия.

В ресторанах, погребах кутежи.

¹ «Южный телеграф» – ежедневная, политическая, общественно-литературная и коммерческая газета. Выходила в Ростове-на-Дону с 1896 по 1916 гг.

В игорных домах проигрываются и выигрываются тысячи.

Виноторговцы пухнут от денег.

Предметы роскоши раскупаются с расточительностью, не знающую пределов.

Дамы щеголяют в изумительных нарядах, платят безумные деньги за обувь, шляпы, костюмы, бриллианты.

Ночные вакханалии принимают угрожающие размеры.

Спекуляция шагает катастрофически и приводит общество к банкротству.

И рядом с этим безумием, развратом и разгулом отчаянная дороговизна, борьба с нуждой и недостаток в хлебе, пище, и самых первых предметов неизбежной необходимости.

И тут же в театре, переполненном буржуазной публикой, опереточное голотелие, опереточная свистопляска...

И тут же миниатюры со своей специфической порнографией, со своей безграничной разнузданностью.

И все это совершается с цинизмом, откровенно, на глазах у всех, совершается с чувством самодовольства и без всякого чувства стыда.

Что же это такое?!

Где кровавые ужасы войны, где страдания наших братьев и сыновей, где наши жертвы, где наши «патриотические» чувства?

И какова ценность наших жалоб на дороговизну и на иные трудности жизни, когда мы одновременно ведем такую же легкомысленную и безумно-расточительную жизнь, как и румыны в Бухаресте, утопающие в пресыщении и наслаждениях?

НЕБЕССМЕРТНЫЙ

Листок войны (Ростов). 1915. 23 марта № 119. С. 2

№ 5

Герой екатеринодарец. Караим Илья Соломонович Гаммал

Я видел этого скромного молодого человека в год призыва его на службу по жребиию.

Когда был он принят воинским присутствием, то вся забота его была о жене и ребенке, он все вздыхал, как они будут без него...

Илья ушел служить Царю и Отечеству... Вдруг грянула война, и наш скромный, худенький и задумчивый Илья оказался героем... Уж во истину «война родит героев».

В редакцию на время доставлены письма Гаммала к его семье, они дышат нежностью к жене и ребенку, чувством беспредельной благодарности родным и знакомым за посылки съестного и подарков.

Особенно замечательно то, что Гаммал не думает о смерти и ранах и говорит с простотой истинного величия о том, что «если его убьют на войне, то его семья будет получать «по жизнь» пенсию»...

Необходимо пояснить, что Гаммал ушел на войну нижним чином, и не имеет прав по образованию на льготу...

Хорошо грамотный человек – он отличился на весь полк как храбрейший солдат, получил Георгиевский крест, офицерский чин, и представлен к новому награждению.

В настоящее время Гаммал уже дошел до командования ротой, по его выражению «зачислен на капитанское место».

На судьбе Ильи Соломоновича ярко оправдывается пословица русского воинства: «плох тот солдат, что не надеется быть генералом».

«За Богом молитва, а за царем служба не пропадают».

Одно из писем Ильи Соломоновича не дошло. В этом письме он писал о своем пребывании в течение трех суток в плену у немцев, которые его загнали в погреб.

Его товарищ Богдан, раненый в грудь на вылет, рассказал об этом плене следующее: Илья был взят в плен под В. Его и немца караульного оставили в каком-то подвале.

Караульный заснул, когда Гаммал схватил ружье караульного, стукнул им немца по голове и отправился искать своих; шел страшный бой, Гаммал прошел сквозь весь неприятельский отряд, явился в полк, принес ценные сведения о неприятельских войсках.

В караиме Гаммале мы видим высокий образец воина русской армии, воспитавшей из народной составляющей нашу нацию – благородную, непоколебимую силу «железных полков и корпусов».

Гаммал служил в кавказском корпусе.

Приводим наиболее важные выдержки из писем Ильи Соломоновича Гаммала, характеризующие как его личность, так и обстановку боевой жизни наших беззаветных воинов¹.

«Мы 17 дней в бою. 3 раза были в атаке. Сейчас лежу в окопе под пулями и снарядами. На Покров мы были в бою под “Вислой” 7 дней подряд, день и ночь, не было ни одной минуты спокойной.

Ранен Богдан в грудь на вылет; в это время я был в плену, и пролежал в подвале три дня без пищи, на четвертый день мне удалось удрать из плена, и уже я Богдана не нашел. Он раненый лежал два дня на поле битвы, *я ходил искать его*, но поиски мои были напрасны, *под огнем противника приходилось ползать на трупах; мне было до слез обидно, что меня не было, не мог дать ему помощи в нужную минуту*², но потом я встретил санитаря – нашего общего знакомого, он мне передал, что Богдан опасно ранен, а про меня думал, что я убит, он, наверное, поехал в Екатеринодар, если он придет, скажите ему, что я жив, что был в плену три дня, когда они отступали из деревни В. Я не мог следовать за ними, благодаря судороге в ногах.

Дорогие! Что я претерпел в это время, не хватит целой тетрадки все это описать – пришел я к своим и сейчас же пошли в атаку и только на двенадцатый день германцы отступили...

Я за разведку у неприятеля награжден Георгиевским крестом, и жду произведения в офицеры, так мне говорит мой ротный.

Я своим подвигом, как убежавший из плена и две мои разведки 10 и 11³ у неприятеля, известный на весь полк, командир полка меня благодарил вчера *и дал мне подарок табак ¼ фунта и папиросы, обнял и поцеловал меня*. Если буду жив и приеду домой, это будет для меня единственное счастье, интереснее всяких заслуг!..»

«Не могу передать той минуты радости, когда получу ваши посылки.

Боже мой, сколько вы мне прислали сыру, колбасы, конфеты, папиросы – это такая роскошь в такое время, – мне просто не верится, что у меня будет сыр, конфеты – но жаль, что обоз наш стоит за 10 верст отсюда. Бог даст, на днях нас сменят, и тогда я сумею получить.

...Я Соломону было написал перед боем, но письмо осталось у меня, так как уже 17 дней в бою, не было возможности передать.

Простите, что плохо писал – сижу в яме, пули свистят над головой, а гранаты разрываются не далеко. – Я вас помню всегда, нет часа, чтобы о вас не думал, – Илюша».

«Сим письмом спешу тебя обрадовать – я произведен в офицеры... Денщик у меня парень хороший – все достает съедобное...

Мне повезло, ты от меня будешь получать, пока я жив, по 100 руб. в месяц, а если меня убьют, будешь получать пенсию пожизненную, на которую ты сумеешь прожить свой век не нуждаясь... Ну, и так до свидания, рота сей час выступает».

Прапорщик Гаммал

Приложена печать 3 рот[ы] N полка

Дорогая!

Краков в 28 верстах, все время неприятель отступает, а мы его преследуем, местами задерживается на поле боя, сейчас же отступает, оставляя свои обозы и раненных. Захватываем много пленных.

Живется мне сейчас гораздо лучше, я уже на другом положении, есть у меня лошадь верховая, так, что я еду все время верхом. Я себе купил плащ непромокаемый, еще несколько теплых вещей...

¹ В текстах писем по возможности сохранена оригинальная орфография и пунктуация.

² Здесь и далее курсив автора статьи.

³ Вероятно 10 и 11 ноября.

117 руб. будешь получать ты, а 99 буду получать я – это заведено между офицерами – выписывать известную часть женам.

Илюша»

Последнее письмо, полученное в декабре:

«Письмо твое от 7 октября я получил вчера через 48 дней.

Вчера, я получил 4 письма, и позавчера одно письмо.

Из Челябинска мне прислали хороший теплый полушубок, теплые чулки, 1 фунт табаку и гильз.

Успели напиться чаю с твоими сухарями. Ты не можешь представить себе, что я испытывал, когда ел сухари – мне представилась мирная домашняя обстановка с тобой и Сережей...

Я теперь ротный командир. За каждым приходится смотреть, каждого устроить; а потому сам всегда под огнем, но пока Бог миловал; я удивляюсь, как я остался жив, позавчера два раза Бог меня спас: первый раз нас сидело в окопе 5 человек, и разрывается снаряд над нами, трех ранило, одного контузило, а я остался невредим, только шапку сбило и в одном месте шинель пробило, а второй раз снаряд шестидюймовый попал в мой окоп, меня завалило землей, но счастье мое, что снаряд не разорвался.

Только и страшны снаряды, – они производят моральное действие при разрыве, а про пули скажу обратное, они вовсе не страшны, под пулями идти петь песни мы так привыкли к ним, что ничуть не бережемся...

Последние 10 дней мы были на позиции, а 15¹ я даже отличился с моей ротой, соседняя рота шла в атаку, а меня вызвали поддержать, так как я был в 300 шагах от нее, я во время успел отразить неприятеля контр атакой, взяли 82 человека в плен, 2 пулемета и обратили в бегство целый полк, за эту атаку командир полка хлопчет о награждении меня...

Командир полка меня очень уважает и потому назначил меня ротным командиром на должность капитана.

Ты пишешь, что читала про наш бой 5 октября, безусловно, я там участвовал, будучи еще нижним чином, но разве это один бой! Я уже прошел, может быть 20 боев, да почти каждый день в перестрелке, я не знаю, видно Бог меня хранит для общего счастья.

Я стараюсь о себе известить, но не знаю, получаешь ли ты мои письма. Я тебе писал, что мне судьба улыбнулась в военном поприще, что я уже офицер и георгиевский кавалер, все это я не знаю, известно ли тебе, я хотел бы поделиться с тобой.

Илюша».

Вчитайтесь в эти письма.

Илья Гаммал в кавказских войсках.

Не веет ли от этих писем стариной седых кавказских войск. Не жив ли дух Архипа Осипова², капитана Лыка³ и тысяч других безвестных?

А кто этот командир, о котором Гаммал пишет, что *«благодарил меня вчера и дал подарок табак четверть фунта и папирсы, обнял и поцеловал меня»*.

Если буду жив и приеду домой, это будет для меня единственное счастье, интереснее всяких заслуг».

Вот где душа человека: награда, видимое отличие – это все земное, доступное для обозрения других, удостоверение, что Гаммал герой, но поцелуй отца командира полка, его может быть слеза на седых усах и ¼ фунта табаку – это его святое личное и не видимое для других и это до могилы.

Но вот сам Гаммал командир. – Читайте: «я теперь ротный командир...

За каждым приходится смотреть, каждого устроить; а потому сам всегда под огнем, но пока Бог миловал...»

¹ Вероятно, имеется в виду 15 декабря 1914 г.

² Архип Осипович Осипов (1802–1840) – рядовой Тенгинского полка, герой Кавказской войны.

³ Николай Константинович Лико (? – 1840) – штабс-капитан Черноморского линейного № 5 батальона, герой Кавказской войны.

Когда Гаммал опять может быть лазит под огнем разыскать нового раненного Богдана из своей роты, не стоит ли перед его глазами его старший командир и не смотрит ли на него и одобрительно шепчет, как Тарас Бульба: «добре, сынку, добре»...

Да, и мы можем сказать:

«Не гнется наша сила, есть еще порох в пороховницах».

Нет и не может быть страха и сомнения на Руси... Стоит наша живая сила и гнет व्यю могучего и злого врага.

Александр Малахов
Листок войны. 1915. № 126. С. 3–4.

№ 6

Письма солдат¹

Чтобы понять душевное состояние нашего воинства, жизнь солдат и мужество, с которым они переносят все трудности войны – достаточно прочесть письма, которые пишут наши бойцы домой родным.

Безусловно, что каждое письмецо начинается обыкновенным «молюсь о вашем здоровье», и большая часть письма полна этого «молюсь», которое солдат отправляет всем, начиная с родителей и братьев и заканчивая грудными детьми. Таков обычай солдатских писем – ничего не поделаешь! И часто солдат только в конце письма в нескольких строках извещает своих о самых значимых событиях. И здесь тебя удивляет мужество и душевная стойкость солдат, с которыми он рассказывает о самых ужасных вещах.

Один, к примеру, завершив ряд молитв и попросив у своей жены прощения, обращается к ней с обычной для парней и девушек лаской:

«Добрый вечер, да я пойду.

Я не вынесу сладких речей».

И тут же добавляет:

– Только ты не огорчайся, дорогая, что сейчас я в госпитале, в глубине России; очень мне повезло, что только одну ногу мне отрезали чуть выше колена; ноги все равно нет, а плечо сильно болит. Немец проклятый, словно был слепой, меня ударил шашкой, не только по мясу, но и по кости.

Лицо женщины от разрумяненного и полного радости, какое было до прочтения этой части письма, вмиг желтеет и она начинает креститься:

– Господи помилуй... Калека, калека!.. Но, слава Господу, хотя бы живым остался...

И слезы ее хлынули, – горячие слезы, крупные, сдерживавшиеся долго изо всех сил.

О враге наш солдат пишет шутливо и абсолютно спокойно. Он не страшится ни автомобилей, покрытых металлом, который не пробивает свинец; не боится ни немецких железных птиц, несущих смерть и летающих по воздуху.

– Немец ловкий, – говорит один. – Сильный и трезвый; многие ходят с часами. В воздухе он и черта летящего обгонит. Есть у них и чертовы машины – «томобили»², которыми они режут людей как капусту. Но ты не бойся, дорогая женушка, есть у нас на него управа: от нашего штыка немец бежит, как от огня. Как черт от ладана...

Затем солдаты говорят и о немецкой жизни, которую они описывают как очень зажиточную и красивую: немецкие дома как боярские дворы; за оградами красивые скот и птицы; даже свиньи у немцев ходят чистыми, вымытыми и румяными, как бояре³.

О своем хозяйстве домах солдаты мало вспоминают. Некоторые из них добавляют пару слов женам «сохранять рассудок», и на этом все.

Кувынт молдовенеск. 1916. № 1(47). С. 5.

¹ Перевод с румынского мой – О.Г.

² Автомобили – типичное искажение русских слов в молдавском просторечье.

³ Молдавские помещики.

В горах Анатолии (Из записок кубанца-добровольца)

Ранняя зима, суровые холода и обилие снега заставили турок отказаться от боевых операций. Они укреплялись на высоких горах, вырыли на склонах гор три линии окопов, но двинуться вперед не могли и, так прождали всю глубокую осень, пока не наступили холода.

Из Константинополя сюда не раз приезжали немецкие инструкторы и устраивали военные советы. Решали, как быть? Но придумать ничего не могли.

При современной военной технике любая боевая задача тесно связана, прежде всего, с устройством железных дорог, а для этого здесь нужно потратить целые десятки лет и миллиарды рублей, чтобы провести железнодорожный путь через Анатолию, покрытую высокими горными хребтами.

Правда, турки кое-где умудрились разработать дороги для подвоза боевых материалов и провианта, но периодические дожди быстро все размыли, и их автомобили застревают в болоте по целым неделям. Провиант доставлялся в турецкие войска только вьючным способом, так как никакая телега здесь пройти не могла.

Еще до зимы кое-где в больших долинах между турецким и нашим расположением войск курдское население, бежав, оставило несколько селений. Часть их была расположена вблизи нашего фронта и считалась в нашем пользовании. Остальными же селениями пользовались турки.

Ежедневно их аскеры¹ ходили туда за дровами в сопровождении вооруженных конных всадников и, завидев наших разведчиков, открывали по ним огонь. Таким способом турки сохраняли свои селения, чтобы не дать нашим ни одного полена дров.

Но вот завыл сильный ветер. Началась снежная пурга и метели. Затрещали крепкие морозы. Турки местами, оставив окопы, попятились с горных вершин к своему тылу. Тем временем, те деревни, куда они ходили за дровами, совсем занесло снегом.

Наши разведчики решили пробраться туда и устроить засаду, полагая, что без дров турки не обойдутся. Нужно было пробраться через долину, засыпанную снегом на несколько аршин. Пришлось почти саперным способом прокапывать дорогу, разрушая снежные глыбы. Однако своего добились и ночью засели в засаду.

Через несколько часов на склонах крутой горы со стороны турецкого фронта показались темные силуэты. Они большой толпой спускались, скользя по обледенелой горе, но без конных всадников. Наши выждали время, и когда турки вошли в селение, окружив их, сейчас же забрали целиком. Полузамерзшие, они не особенно сопротивлялись, не пытаясь даже бежать.

По их словам, у турок топливо выдается в таком ограниченном количестве, что едва удается согреть в котелке воду. Зимняя одежда также неважная. Теплые тулупы выдаются только часовым, и притом они не ждали так рано в этом году зимы.

Из-за ограничения топлива между солдатами и командным составом создаются трения довольно острого характера.

– Дрова нужны для пищи, – говорят им офицеры – а хотите согреться, идите за дровами в селения или куда угодно.

В результате, суровые холода заставляют турецких солдат искать спасения в дезертирстве, и последнее время они почти ежедневно небольшими партиями переходят на наш фронт.

– Нет сил больше выдерживать такую адскую стужу, – заявляют они, сдаваясь нашим. – Берите нас, и делайте что хотите.

Все эти перебежчики на допросах особенно отмечают плохое отношение к ним турецкого командного состава. Однако дезертировать к себе на родину они опасаются, боясь строгого преследования, и предпочитают лучше переходить к русским.

Четырехмесячный интервал боевого затишья на этом направлении создал у нас особую обстановку жизни. Тут теперь кипит интендантская работа. Все дни гужевые транспорты, нагруженные разной военной кладью, тянутся вереницей по известному назначению. Порой,

¹ Аскер – турецкий солдат.

вспугнув транспортных лошадей, промчится автомобиль-грузовик и уносится дальше с срочным грузом и почтой. Только хрустит от колес притоптанный и раскатанный снег. Вдруг раздается окрик:

– Поворот вправо! Стой!

Транспорт, свернув вправо, останавливается и пропускает одну из конных частей, идущую на очередной отдых.

Едут со своими любимыми казачьими песнями.

Строго говоря, это и не отдых, а временная стоянка, чтобы немного оправиться после долгой разведочной службы, так сказать, привести себя в порядок, а главным образом, дать отдых утомленным лошадям. Такие стоянки устраиваются в каком-нибудь селении вблизи позиций, чтобы быть всегда готовыми на случай внезапной тревоги.

В селениях, где предназначены стоянки, всегда имеется баня, и тут же организован «Союзом городов»¹ питательный пункт, где, как приходящим на стоянку, так и мимо проходящим частям выдается бесплатный обед, ужин, горячий чай и сахар. С особым одобрением отзываются об этих пунктах части, идущие походным порядком.

– Одно уж удобно тем, – говорят они, – что сразу все готово, и не приходится совсем ждать, и при том это не связано с бумажными формальностями.

Обыкновенно все походные части заказывают обеды по телеграфу на этапных пунктах, и это связано с расчетом времени. На питательных же пунктах весь день непрерывно имеется горячая пища и чай. Бывают дни, когда там отпускается до 2000 бесплатных обедов, столько же ужинов, и несколько тысяч кружек горячего чая. Офицер, получивший пищу для своей части, собственноручно отмечает в «союзной» книге количество отпущенных порций и удостоверяет его своей подписью.

Так меняются поочередно части. Одни идут на временную «передышку», а другие на смену становятся в лоб врагу. Несмотря на зимнюю стужу и непроходимый местами снег, сторожевая и разведывательная служба здесь ведется тщательно, и на разведку люди вызываются сами.

Был, например, такой случай, когда с утра разбушевался страшный ветер, и на дороге стояла такая погода, в которую, как принято говорить, порядочный хозяин не выгонит из дома собаки. На разведку решено было послать целый взвод, и из-за очереди среди казаков разгорелся целый спор.

– Может быть, вы назначите сами, кому идти, – докладывал командиру вахмистр. – Никто не хочет уступить своей очереди.

Всю сотню выстроили в ряды, и последовала команда.

– Желаящие идти в разведку... два шага вперед!

И вся колонна до одного человека дружно отмеряла два шага. Как оказалось потом, весь секрет заключался в том, что в этой сотне почти все люди были любителями охотничьего спорта, и теперь их всех соблазняла перспектива при случае погоняться за лисицами, которые здесь водятся в изобилии. К вечеру назначенный взвод вернулся с пятью пленными турками и несколькими убитыми лисицами.

Пленные только изумленно смотрели на наших людей и, покачивая головой, говорили:

– Как же с вами воевать, когда вы можете жить по целым дням зимою в снегу? Мы так не привыкли. Нам нужно теплое солнце.

П. А–ч

Листок войны. 1916. № 497. С. 3.

¹ Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам – общественная организация, призванная помочь государству в деле эвакуации, размещения и лечения военнослужащих. С 1915 г. Союз включился в работу по снабжению армии и оказанию помощи беженцам.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (проект № 17-18-01411).

Литература

Бурдун, Махров, 2007 – *Бурдун В.Н., Махров А.М.* Участие кубанского казачества в Первой мировой войне в отечественной историографии 1-ой трети XX века // *Вестник Военного университета*. 2007. № 4 (12). С. 108–119.

Военный вестник – Военный вестник.

Гужва, 2013 – *Гужва Д.Г.* Военная цензура периодической печати в годы Первой мировой войны // *Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: поэтика и политика: исследования и материалы*. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 524–537.

Крымская книга памяти, 2014 – *Крымская Книга Памяти Великой войны 1914–1918 годов*. В 2 т. Т. I. М.: ООО МИД, 2014. 860 с.

Листок войны – Листок войны (Екатеринодар).

Листок войны (Ростов) – Листок войны (Ростов-на-Дону).

Северо-кавказский листок войны – Северокавказский листок войны.

Лор, 2012 – *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя. М.: НЛЮ, 2012. 304 с.

Памяти героев великой войны – *Памяти героев великой войны, 1914–1918*. [Электронный ресурс]. URL: http://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital2130824/ (дата обращения: 12.10.2018).

Патрикеев, 2012 – *Патрикеев С.Б.* Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. IV степень № 1–100 000. М.: Духовная нива, 2012. 992 с.

Прохоров, 2010 – *Прохоров Д.А.* Участие представителей караимских общин Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917 гг.) // *Научные труды по иудаике: Материалы XVII Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике*. Академическая серия. Вып. 30. М.: Центр «Сэфер», 2010. Т. I. С. 366–385.

Семенова, 2008 – *Семенова Е.Ю.* Периодическая печать и цензура в годы Первой мировой войны как фактор формирования менталитета Российского общества (по материалам поволжских губерний) // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2008. Т. 10. № 1. С. 71–85.

Сенявская, 2012 – *Сенявская Е.С.* Отношение к жизни и смерти участников Первой мировой войны: очерк фронтовой повседневности // *Былые годы*. Российский исторический журнал. 2012. № 3(25). С. 30–41.

Сигиева, 2005 – *Сигаева Г.В.* Правовое положение крымских караимов (сер. XIV – нач. XX вв.) // *Культура народов Причерноморья*. 2005. № 57. Т. 2. С. 82–88.

Кувынт молдовенеск – Кувынт молдовенеск (Молдавское слово).

References

Burdun, Mahrov, 2007 – *Burdun V.N., Mahrov A.M.* (2007). Uchastie kubanskogo kazachestva v Pervoj mirovoj vojne v otechestvennoj istoriografii 1-oj treti XX veka [Participation of the Kuban Cossacks in the First World War in the Russian Historiography of the 1st Third of the XX Century]. *Vestnik Voennogo universiteta*. Nr 4 (12), pp. 108–119. [in Russian]

Military Gazette – Military Gazette.

Guzhva, 2013 – *Guzhva D.G.* (2013). Voennaja cenzura periodicheskoj pečati v gody Pervoj mirovoj vojny [Military Censorship of the Press During the First World War]. *Russkaja publicistika i periodika epohi Pervoj mirovoj vojny: poetika i politika: issledovanija i materialy*. Moscow, pp. 524–537. [in Russian]

Krymskaja kniga pamjati, 2014 – (2014) *Krymskaja Kniga Pamjati Velikoj vojny 1914–1918 godov* [Crimean Book of Memory of the Great War of 1914–1918]. Vol. I. Moscow, 860 p. [in Russian]

Sheet of War – Sheet of War (Ekaterinodar).

Sheet of War (Rostov) – Sheet of War (Rostov-on-Don).

North Caucasus War Sheet – North Caucasus War Sheet.

Lor, 2012 – *Lohr E.* (2012) Russkij nacionalizm i Rossijskaja imperija [Russian Nationalism and Russian Empire]. Moscow, 304 p. [in Russian]

Pamjati geroev velikoj vojny – Pamjati geroev velikoj vojny, 1914–1918 [In Memory of the Heroes of the Great War, 1914–1918]. URL: http://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital2130824/ (accessed on: October 12, 2018). [in Russian]

Patrikeev, 2012 – *Patrikeev S.B.* (2012). Svodnye spiski kavalerov Georgievskogo kresta 1914-1922 gg. IV stepen' №№ 1–100000 [Consolidated Lists of the Knights of the St. George Cross of 1914-1922 IV Degree. № 1-100 000]. Moscow, 992 p. [in Russian]

Prohorov, 2010 – *Prohorov D.A.* (2010). Uchastie predstavitelej karaimskih obshhin Rossijskoj imperii v Pervoj mirovoj vojne (1914–1917 gg.) [Participation of Representatives of the Karaite Communities of the Russian Empire in the First World War (1914–1917)]. *Nauchnye trudy po iudaike: Materialy XVII Ezhegodnoj Mezhdunarodnoj Mezhdisciplinarnoj konferencii po iudaike. Akademicheskaja serija, Vyp. 30. Vol. I.* Moscow, pp. 366–385. [in Russian]

Semenova, 2008 – *Semenova E.Ju.* (2008). Periodicheskaja pechat' i cenzura v gody Pervoj mirovoj vojny kak faktor formirovanija mentaliteta Rossijskogo obshhestva (po materialam povolzhskih gubernij) [Periodical Press and Censorship during the First World War as a Factor in the Formation of the Mentality of the Russian Society (Based on Materials from the Volga Provinces)]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk.* Vol. 10. Nr 1. pp. 71–85. [in Russian]

Senjavskaia, 2012 – *Senjavskaia E.S.* (2012) Otnoshenie k zhizni i smerti uchastnikov Pervoj mirovoj vojny: ocherk frontovoj povsednevnosti [Attitude to the Life and Death of the Participants of the First World War: an Essay on the Frontline Everyday Life]. *Bylye gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal.* Nr 3(25). pp. 30–41. [in Russian]

Sigieva, 2005 – *Sigaeva G.V.* (2005). Pravovoe polozenie krymskikh karaimov (ser. XIV – nach. XX vv.) [The Legal Status of the Crimean Karaites (mid 14th – early 20th)]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja.* Nr 57. Vol. 2. pp. 82–88. [in Russian]

Kovyvt moldovanesk – Kovyvt moldovanesk (The Moldavian word).

Первая мировая война сквозь призму южнороссийской прессы (1914–1916)

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии

Олег Андреевич Гром^{a,*}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В статье публикуется подборка материалов из периодических изданий, выходявших на юге России в годы Первой мировой войны. Тексты рассказывают об участии населения региона в военных событиях, а также представляют собой отклики, на такие явления, как беженцы, плен, жизнь в тылу. Особый интерес представляют свидетельства очевидцев. Поскольку газеты были основным источником информации о войне, то обращение к этому виду источников позволяет понять, какой представлялась война читающей южнороссийской публике.

Ключевые слова: периодика, газеты, Первая мировая война, юг России.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: gromescu@gmail.com (О.А. Гром)